

ЖАРКИЙ ОГОНЬ ТВОРЧЕСТВА

Играет Ван Клиберн.

Фото П. Маныча

ВЛЮБЛЕННЫЕ в музыку, только влюбленные, со всей силой страсти и желания стремились попасть на этот концерт.

Слушать можно и по радио; смотреть и слушать по телевидению. Но влюбленным хотелось присутствовать, находиться в этом зале, где совершалось великое таинство творчества, чувствовать себя причастным к нему, как бывает причастен к природе человек, идущий по лесу: он слышит голоса птиц, он видит над собой небо и нарисованные на синем зеленые кроны, а на земле траву в золотых и белых блесках цветов.

Вот такую же радость приближения к красоте, чистоте и правде прекрасного чувствовали мы, слушая Вану Клиберна в сопровождении оркестра, которым дирижировал Кирилл Кондрашин. Мы сидели, как зачарованные, при звуках много раз слышанного Первого концерта Чайковского. Мы — в зале — бушевали и бросали цветы на сцену; мы — у телевизоров — тихо ждали продолжения концерта.

Мы — очень хорошее слово, когда говорится об одинаковых чувствах. В этот вечер Мы было многомиллионным. Это были и те счастливицы, что попали в Большой зал консерватории, и те, что, сидя дома, не отрывались от голубого экрана. А может быть, у телевизора было даже лучше?

— Как можно! — возмущенно воскликнут завсегдатаи концертов. — Лучше молчать, чем говорить такое!.. В зале вы как бы одно целое — исполнители и слушатели, а дома сто разных маленьких отвлечений.

— Никаких отвлечений, мы тоже были в зале, — скажут телезрители столицы, десятков городов и сотен сел. — Мы не только слышали музыку, мы видели эти удивительные тонкие, нервные руки, воскрешавшие Бетховена, Чайковского, Шопена. Мы видели вдохновенное лицо во весь экран. И это нам совсем не мешало слушать, наоборот, позволяло понять всю глубину переживаний артиста, обостряло внимание, очаровывало. Казалось, этот молодой музыкант отдает свое сердце музыке. Мы знаем много прекрасных музыкантов, наших и зарубежных, но только те из них, чье сердце горит, как сердце Данко, могут сделать чудо!

И чудо совершилось. Или нет, совершилось именно то, что должно быть: молодой американец Клиберн

обнимал и горячо целовал своего товарища и друга — русского Кондрашина. Они вместе горели одним жарким огнем творчества, зажженным русским композитором.

И вот этот американец говорит по-русски:

— Сейчас я сыграю Фантазию фа минор Шопена для Никиты Сергеевича Хрущева.

Зал дрожал от аплодисментов, а телезрители — на этот раз уж, конечно, лучше, чем те, что сидели в зале, — видели в ложе товарища Хрущева. Телеобъектив проник в полумрак ложи, и на экране появился Никита Сергеевич, не такой, как обычно, — полный энергии, строгий и требовательный или веселый и азартно-молодой, — а задумчивый и растроганный, плененный красотой настоящего, вечно живого искусства.

Это правда жизни. Может быть, кто-то скажет, что это политика или, как обычно говорится, когда нечего сказать, пропаганда. Но тот, кто так говорит, ничего не понимает в человеческом сердце!

Сердца миллионов советских людей были объединены радостью на этом празднике музыки. И если одновременно сердца других людей, совсем недалеко от Москвы — в Америке, тоже радовались за своего талантливого соотечественника и были растроганы горячей искренностью москвичей, то это как раз то, что должно быть, та самая правда, доброта и красота жизни, часть которой — настоящее искусство.

Варвара КАРБОВСКАЯ